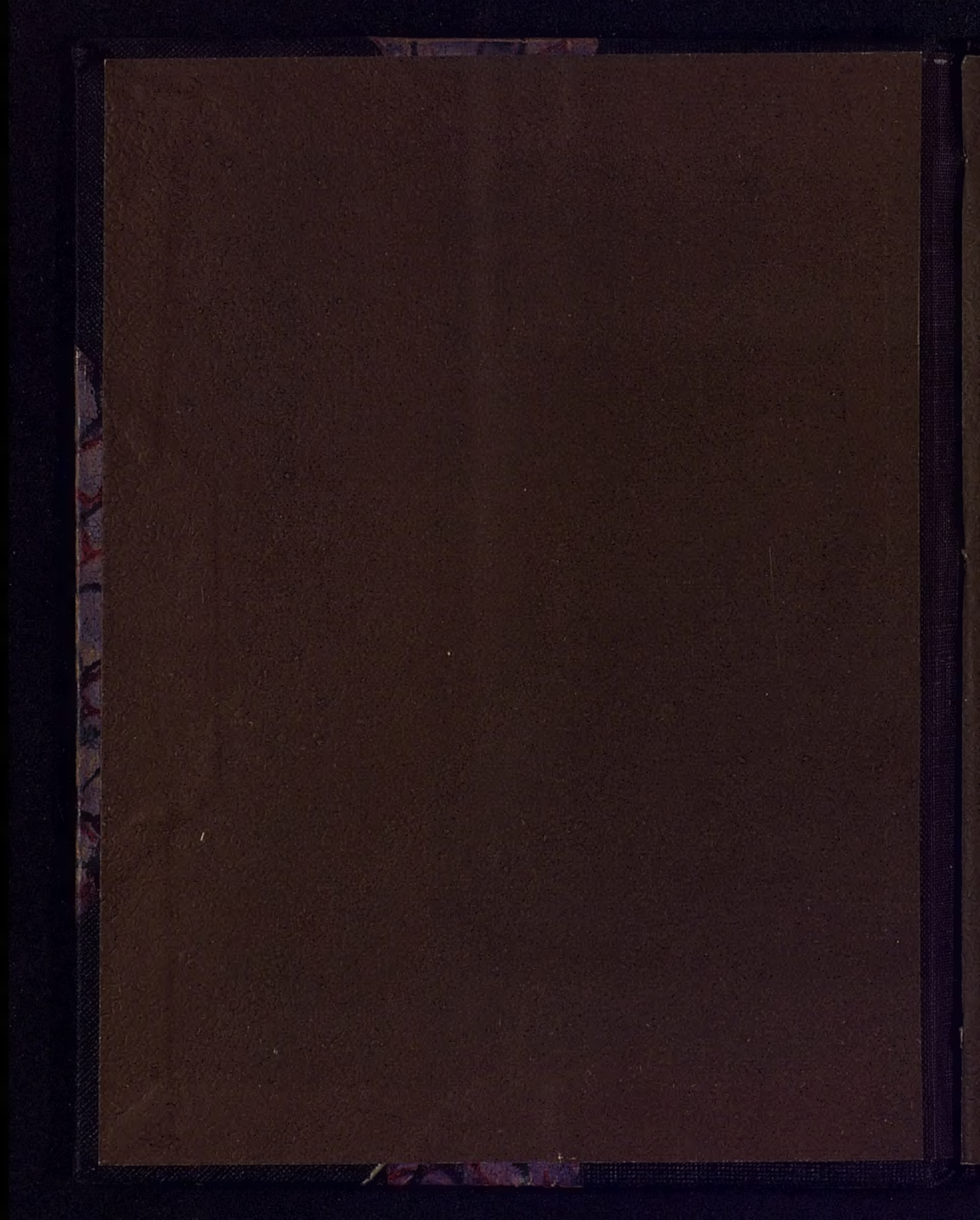
Зиновьев

ПАРТЕЙТАГ НЕЗАВИСИМЫХ И ШОЛОЖ. в Германии

Г. Зиновьев.

Партейтаг Независимых и положение в Германии.

Доклад на заседании М.К.Р.К.П.

1920

Пролетарии всех стран, соединяйтесь.

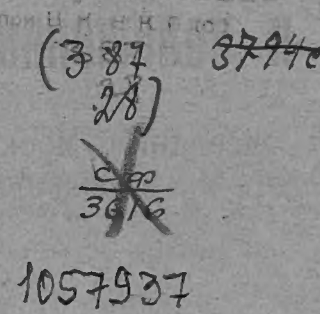
Г. Зиновьев.

Партейтаг независимых и положение в Германии.

Доклад на заседании Московского Комитета Р. К. П., в Большом театре.

Типография «III Интернационал».
МОСКВА. 1920.

Причины разрешения в'езда.

Вы знаете, что Исполком Коминтерна послал меня в качестве разведчика в буржуазную Германию, и моя задача — поделиться с вами результатами этой кратковременной поездки. Первый вопрос, который невольно встает у каждого, это вопрос о том, как могло случиться, что эта разведка была совершена на законном основании: чем об'яснить, что германское правительство дало разрешение на в'езд в Германию.

Когда мы получили это разрешение, среди товарищей были различные предположения. Некоторые т.т., работающие в Ч. К., со свойственным им реализмом, об'ясняли, что это просто уловка со стороны германской буржуазии, что она хочет получить ценных заложников. Другие т.т., ближе стоящие к дипломатическим сферам, полагали, что у германской буржуазии имеются

необыкновенные, таинственные дипломатические планы, и третьи высказывали предположение, что германская буржуазия хочет раскола независимой партии и надеется, что наше появление ускорит это. Были и другие предположения.

Теперь, оглядываясь назад, я думаю, что разрешение на в'езд об'яснялось двумя причинами. Во-первых, сами правые независимцы находились в таком положении, что они должны были добиваться разрешения на в'езд. Перед с'ездом стоял только один вопрос, — вопрос о III Коминтерне. Русские меньшевики, в лице Мартова, получили разрешение на в'езд, французские меньшевики, в лице Лонге, также. И если бы они отказали при таком положении представителям III Интернационала, то всем было бы слишком ясно, что буржуазия в этом отношении действует вполне солидарно с вождями правых независимцев, Криспиным и друг., которые являются министрами без портфелей, состоя на дружеской ноге с нынешними воротилами буржуазного министерства. Положение получалось бы слишком зазорным для независимцев. Один факт запрещения в'езда имел бы уже роль агитационного средства, и независимцы вынуждены были сделать вид, что они на это идут.

Вторая причина была несомненно та, что часть буржуазии хотела раскола независимой партии, и надеялась, что одно наше появление

ускорит этот раскол. Дело в том, что часть буржуазии настолько глупа, что она предполагает, что всякий раскол партии полезен для нее. Это обычные мыслишки, которых придерживается с незапамятных времен буржуазия, полагая, что всякий раскол ей на руку. Посмотрим, что скажет буржуазия через некоторое время, которая сейчас уже начинает понимать, что не всегда раскол ей на руку. Но нет сомнения, что действительно часть из них руководилась именно этим соображением. Шейдемановцы, не участвующие в центральном правительстве, но фактически находящиеся в дружеских отношениях, участвующие в прусском правительстве и являющиеся главными советчиками в важных вопросах, также хотели этого раскола и преследовали задачу, чтобы в глазах широких масс ответственность за раскол была возложена на Москву, что, мол, злая Москва прислала своего представителя и устроила этот раскол. Им казалось, что мы надломимся под тяжестью этого обвинения, что мы не сможем его перенести, не сможем принять ответственности. В результате этих соображений разрешение было дано.

Кроме того, представители германского правительства руководствовались еще следующей наивной мыслью. Им наговорили сказок, что мы народ безграмотный, что у нас, в России, 90% безграмотных, что вообще большевики только тем и

держатся, что безграмотная масса верит любому агитатору, и убедили правительство, чтобы нас впустили, что они победят нас духовным оружием. Они сказали своему правительству:—вы уж только их пустите, а мы дадим им бой перед всей Европой, мы покажем, что эти люди только в отсталой России могут иметь успех, а здесь, на европейской арене, поединок, между ними и нами кончится моральным банкротством большевизма. И некоторые были настолько легковерны, что послушались этого, и разрешение было дано.

Впечатления от буржуазной страны.

Мне не пришлось сколько-нибудь близко познакомиться с общим политическим и экономическим положением, потому что я был в Германии очень короткое время, и половину этого времени находился под бдительным надзором полиции.

Впечатление, которое получает наш брат, оказавшись в буржуазной стране, это то, что он точно попал на другую планету. Я очень хотел бы, чтобы некоторые т.т. побывали в буржуазной стране, чтобы они потом так сладко вдыхали русский советский воздух, как это случилось с нами. Картина дикая, банально-глупая, пошлая. Когда видишь разгуливающего тупого, буржуазного мещанина, когда слышишь его разговоры на жел. дор. о спекуляции, о гешефте, когда видишь бес-

стыдно разнузданное господство тупого филистера. когда видишь все это, невольно думаешь, — как хорошо, что это время у нас миновало!

Я видел улицу ночью только мельком, но и мельком все-таки получаешь впечатление личного оскорбления самого себя. И такое впечатление получается не только у нас, завзятых коммунистов, но даже и среди т.т. мало нам сочувствующих. Ночью картина улицы напоминает то, что было у нас раньше на Тверской или на Невском,—картина циничной продажи женщины на улице, с полным господством буржуазного хамства, которое расстегнулось теперь во всю и держит себя в десять раз разгульнее и развратнее, чем до войны. Никогда раньше на больших улицах не было такого количества бездельников, пьяных, такой массы хамства. Невольно думаешь, что буржуазия ловит последний момент.

И так во всем. В больших городах можно видеть великолепные магазины, наполненные разными товарами. Карточная система в Берлине сейчас уничтожена, и спекулянт чувствует себя вполне свободным. Но здесь же можно видеть и другую картину. Перед окнами магазинов стоят оборванные, голодные детишки, которые могут только смотреть на то, что выставлено в окнах. Детей рабочих на улицах вообще крайне мало, — их буржуазия загнала в подвалы, и они не смеют показаться на улице, так как разуты и раздеты.

В то же время вы видите, как останавливается карета или автомобиль, входит буржуй в магазин, покупает и выносит оттуда продукты. Но это доступно только маленькой кучке.

На вокзалах вы увидете оживление в большей мере, чем у нас. Начинаешь завидовать, но как только всматриваешься, из кого состоит эта часть населения, то видишь, что это—ничтожное количество людей, нажившихся на войне, а также их прихлебатели и лакеи.

Безработица ужасная,—до полмиллиона рабочих выброшено на улицу. Большинство рабочих занято три дня в неделю, жалование получают 250 марок в неделю. И это при той отчаянной дороговизне, которая с каждым днем растет все больше и больше. Рабочие не в состоянии поддерживать свою семью, одевать детей и т. д. В рабочих кварталах вы увидите одну маленькую лавченку и то там нечего купить. Жилищные условия после войны также стали хуже, дома разорены и не ремонтируются. Несомненно, положение рабочих и мелких служащих значительно ухудшилось.

Кроме того, в каждом городе своя власть. Нынешнее центральное правительство ведет призрачное существование, оно имеет некоторую власть только в Берлине, в других же городах власть принадлежит разным группам. В Гамбурге свои

деньги, в Берлине — свои. В маленьком городке Штетине, в двух часах езды от Берлина, берлинское правительство не может поручиться за то, что там его решения будут проведены, хотя бы в отношении, скажем, высылки русских большевиков. Во всяком городе, где только буржуазия чувствует себя сильной, она захватывает власть и держится обособленно от правительства, но есть и такие города, где власть принадлежит формально буржуазии, а фактически — рабочим. Все это обостряет положение, и хотя буржуазия внешним образом, как будто овладела аппаратом, но вы видете, насколько это не устойчиво и может каждый день привести к неожиданностям.

Борьба между левыми и правыми независимцами.

И вот, на фоне такой картины разыгрывается борьба внутри независимой партии и в рабочем движении Германии вообще. Независимая партия, как вам известно, есть главная рабочая партия Германии. Это, можно сказать, хребет рабочего класса. Независимая партия насчитывает около 900.000 членов и получила пять с лишним миллионов голосов на выборах в рейхстаг, и говорят, что эти голоса были поданы рабочими. Все понимали, что кризис независимой партии есть кризис в рабочем движении Германии вообще,

и если бы независимая партия победила, то рабочий класс Германии справился бы с новыми трудностями, преодолел бы их и пошел бы дальше. Вот почему всеобщее внимание не только Германии, но и остальной Европы, было приковано к с'езду. С'езду предшествовала громадная борьба и выборы по платформам, как это было и у нас, когда мы жили с меньшевиками под одной крышей. Правые вожди Ц. К. поторопились созвать с'езд. У них был весь партийный аппарат и газеты, и они рассчитывали, что возьмут нахрапом, что если они быстро созовут с'езд, то получат большинство. Но они просчитались.

С первых дней с'езда было ясно, что большинство—за нас. Ухищрения правых ни к чему не привели. Они придирались к каждому мандату, но большинство оказывалось на нашей стороне. Когда мы пришли в залу собрания, подышали воздухом, мы сразу перенеслись на 10—12 лет тому назад, на общие с'езды с меньшевиками, которые так хорошо памятны вам. На левой стороне, где были наши сторонники, громадное большинство—рабочий люд, явившийся сюда от станков, с шахт и т. д. Пара столиков впереди, где сидели вожди, среди них—один-два интеллигента, но громадная масса—рабочие. Другая картина на правой стороне. Там настоящий интеллигентский цветник, там десятки депутатов, парламентариев, редакторов, десятки старых почтенных

вождей—цвет партийной интеллигенции. Часто казалось, что эти люди не понимали того, что происходит. Они принимали за личную обиду, что рабочие против них, и на лицах этих почтенных вождей можно было читать: — Как! Мы — соль партии. Рабочие нас не поняли, они совершают неслыханные вещи, готовы указать нам на дверь. Они не видят, что мы — главная изюминка партии.

Совершенно то же, что мы наблюдали во время раскола с меньшевиками, и это об'яснялось тем, что положение было аналогично. Партия независимых в течение 2—3 лет была оплотом всех тех, кто был против империалистической войны, а там были не только коммунисты, но и пасифисты и другие. Независимая партия два года влачила такое существование, когда под ее крылом об'единялись различные элементы. История работала за нас, кризис назревал. Спорные вопросы ставились, рабочие должны были разбираться. На левой стороне были пролетарские элементы, на правой—меньшевики, пасифисты и гуманисты, словом, разные элементы. И во главе— старые почтенные вожаки, которые так и умрут, не поняв, что такое социалистическая революция, по поводу которой они так много говорили и писали, не поняв, что теперь нужно занять определенное место по ту или иную сторону баррикады.

Отношение к Советской России.

Первый вопрос, вопрос основной, который на с'езде не сходил с очереди, был вопрос об отношении к Советской России. Вы знаете, что к нам на 2-й Конгресс приехали четыре представителя независимой партии, два—правой и два—левой. Эти г.г. правые сначала пытались попасть в Коммунистический Интернационал, но после того, как мы представили 21 пункт условий им пришлось отказаться от вступления в III Интернационал. Вернувшись в Германию, правые подняли бешеную агитацию против Советской Республики. Они знают, что главной силой Коммунистического Интернационала является то, что над ним развивается знамя первой пролетарской революции. Они знают, что идея Коммунистического Интернационала настолько тесно связана с идеей Советской власти, что отделить их почти невозможно.

Замечательна та судьба, которая постигла эту кампанию. По приезде в Германию Дитман размахнулся на целую серию статей. А товарищи рабочие стали устраивать бойкот тем газетам, которые писали против нас. Редакция, во главе которой стоит Гильфердинг, должна была отказаться от статей Дитмана, потому что рабочие говорили, что Дитмана они вывезут на тачке. Тогда они перенесли свою деятельность на вну-

треннюю арену. На обще-партийной конференции у них была репетиция предстоящего с'езда. Но кто особенно зло подшутил над Дитманом, так это Мартов. Ему дали цифровые материалы, с которыми он и выступал. Материалы были такого свойства: Дитман заявил, что в нашей партии 41.800 советских чиновников и что рабочие составляют от 8 до 11% нашей партии. Он уверял, что в одной Москве революционный трибунал с 1-го июля по 1-е августа расстрелял 990 человек. Особенно много места было посвящено нашей „чрезвычайке". Дитман описывал, что каждую ночь Ч. К. на Лубянке расстреливает десятки и сотни невинных людей и женщин, и чтобы заглушить плач расстреливаемых, большевики выпускают целые кавалькады автомобилей.

Товарищи! Это, быть может, было самое интересное испытание настроения германских рабочих. Дитман считался их вождем, он был в России, и можно было думать, что ему кто-нибудь поверит. Но рабочие ему сказали: — ты — негодяй, а Советской власти мы верим.

Весь этот спор на с'езде в Галле предстал перед нами в ином виде. Правые независимые сказали, что они будут поддерживать русских рабочих, но одно дело — Советская Россия, а другое — III Интернационал и его 21 условие. Конечно, говорили они, мы все за Советскую Россию, но дело идет о том, чтобы нам дали опре-

деленную автономию. И в самой резолюции они говорили, что будут исполнять свой долг по отношению к России. Когда вы встречаете германских работниц и рабочих, когда вы спрашиваете о Советской России, то всегда получаете один ответ. И правым независимым пришлось на с'езде повернуть оглобли так, что они с нами не хотели спорить.

И нам пришлось заставить их поспорить. Я заявил Дитману, что предлагаю ему дискуссию перед берлинскими рабочими. Он всеми силами от этого уклонился. Ему послали письменное приглашение, но он промолчал и на собрание не явился, потому что он знал, что встретит самую враждебную демонстрацию. Мы должны были поставить вопрос о России прямо и ясно. Мы говорили германским рабочим, что если они представляют победу пролетариата в том, что завтра у них будет суп с курицей, то это — большая ошибка. Мы указывали им и на холод, и на голод, и на все те лишения, с которыми приходится считаться рабочему классу в России.

Я сказал: — товарищи-рабочие, я не отвергаю того, что у нас, в России, положение трудное. Но вы вспомните, чем мы занимаемся сейчас. Мы занимаемся не устройством коммунистического рая, а тем, что воюем против буржуазии всего мира. Представьте себе такой простой пример: рабочие какого-нибудь города бастуют неделю,

две, три, месяц. Им ниоткуда не приходит помощь, они со всех сторон окружены врагами. И вот из какого-нибудь другого города появляется щеголь и начинает им доказывать, что у них плохо потому, что они восстали против буржуазии. Этого щеголя можно назвать штрейк-брехером, — не больше.

Вот что представляет собою и этот Дитман, к которому германские рабочие питают определенное чувство, и это чувство не есть чувство ненависти, а совсем другое.

Товарищи, когда мы описывали нашей действительное положение в России, как оно было год назад и каково оно сейчас, сколько жертв принесла уже партия и сколько жертв принесли рабочие в целом, то, как мне передовали товарищи, во время этой части речи у многих старников были слезы на глазах, чувствовалась сильная связь с очень значительной частью зала, и даже у правой части рабочие в целом были на нашей стороне, потому что они чувствовали ту великую правду, которая была за нашей партией.

Дитман приводил статью тов. Преображенского, мой доклад и некоторые места из речи тов. Ленина для того, чтобы показать, что мы потерпели поражение с нашим централизмом, с нашей партией. Это было очень интересное испытание для с'езда. Мы с товарищем Преображен-

ским не скупились на довольно яркие краски, когда нужно было говорить о болезненных сторонах нашей партии, — это будет не безинтересно узнать нашей московской партии, где еще не совсем изжиты болезненные стороны, — ставили точки над и, вкладывали персты в открытые раны и иногда даже преувеличивали наши теневые стороны.

И вот, Мартов привез с собой все эти статьи, которые были переведены и помещены в „Фрейхейт“, все это читалось при партийной интеллигенции, которая считала, что это ей на руку. На с'езде говорилось, что у нас „партийная диктатуры“, что у нас „московский кнут“. Все статьи пестрели заглавиями „Московская диктатура“, „Московский кнут“ и т. д. Но мы на с'езде говорили: — смотрите, как все-таки у нас, где по вашим словам царит деспотизм, смотрите, как мы сами критикуем теневые стороны нашей партии, и это потому, что мы уже в течение 25 лет делаем это, потому что мы не боимся смотреть правде в глаза. Мы беремся за лечение нашей болезни по пролетарски и поэтому мы имеем партию, которая может смело смотреть на свои теневые стороны.

На с'езде указывалось, что у нас в партии большое неравенство, но мы спрашивали: — а где же равенство у вас? Посмотрите на своего Дитмана, типичного аристократа, который стре-

мится, чтобы у него даже манеры были, как у настоящего аристократа-буржуа. Где у вас равенство? — говорил я. Кто этот аристократ, который сидит здесь? (Это был Мозес). Кто вся эта группа? Разве они живут в тех же условиях, что и рабочие? В чем же разница? А именно в том, что у нас неравенство в сто раз меньше, чем у вас, и мы идем к тому, чтобы изжить это неравенство, потому что мы уже совершили революцию. Зачем же вы суетесь с этим неравенством? Я сказал, что о представителях Коммунистического Интернационала говорили, что они никуда не годны, но никто не сказал, что они — дураки. Если бы мы делали вид, что мы все знаем, что у нас всякое решение готово, то мы были бы круглыми дураками. Мы приехали сюда, чтобы учиться, чтобы понять рабочее движение в Германии и во всем мире, мы приехали сюда для того, чтобы поделиться с вами нашим опытом, и позвольте и нам у вас поучиться. То, что мы говорим здесь о неравенстве и о теневых сторонах нашей партии, то этому мы выучились у другого представителя демократии, у Бебеля, в лучшие дни его жизни, когда Бебель учил говорить правду прямо в глаза. В этом отношении мы взяли лучшие традиции Бебеля.

Вся эта попытка разыграть нашу конференцию против нас, когда Дитман, с большим трудом выговаривая фамилию Преображенского, го-

ворил, что Преображенский сам сказал, что у нас неравенство, все это повернулось против него. Я говорил, что я готов на любом собрании германских рабочих прочитать наши статьи, говорил о том, что у нас действительно есть сезонная болезнь, которая приводит к некоторому разложению, к некоторому гниению, но мы эту болезнь поборем, потому, что мы видим эту опасность и идем на борьбу с ней. Я сказал, что я готов на любом собрании повторить все это и спросить, потерпела ли банкротство партия большевиков, имеющая такую болезнь или же потерпели банкротство те прилизанные буржуа, партия которых всегда мешала пролетарской революции.

Тут было интересно выступление другого иностранца, Лонге, который в этом вопросе выступил против независимцев. Он сказал, что он скорее даст отрубить себе правую руку, чем напишет хоть одно слово против Советской России, так как к этому его побуждают традиции великой французской революции и ее террор.

Правые все время пытались перенести спор в область организационного вопроса. Они спрашивали, почему у нас 21 условие, а не 18, почему мы обостряем требования, почему лишаем массы автономии, говорили, что они признают III Интернационал, но требуют более льготных условий. Наша первая задача заключалась в том, чтобы

перевести весь спор на другие рельсы. Для нас было ясно, что мы идем на борьбу с европейским оппортунизмом, с полуреформистским крылом всемирного рабочего движения, и мы стремились все время заставить их говорить прямо и определенно о тех вопросах, которые являются насущным вопросами для рабочего класса, но правые все время говорили о чем угодно, но только не о том, что было именно насущно. Но вожди независимцев понудили их говорить о тех вопросах, которые достойны обсуждения и которые стоят перед рабочим классом всего мира, укоряя правых в том, что они совершенно далеки от идеи всемирной пролетарской революции, что они не на ней строят свои расчеты, не из нее исходят. Правые проглотили это и, как видно было, это их мало тронуло. Тогда я сказал, что по моему мнению, по мнению Ш Коминтерна, в Германии все предпосылки для пролетарской революции на-лицо, не хветает только одного, — достаточной ясности, и что сейчас главная задача состоит в том, чтобы проявить эту ясность. На это отвечали, что это вполне правильно. Тогда я сказал, раз правильно, то кто же мешает рабочему классу найти себя. И здесь я употребил следующий прием.

Как вам известно, в Германии есть белогвардейская организация, нечто среднее между корниловцами и савинковцами, во главе которой стоит

некто Д. Этот Д. организовал типичную белогвардейскую шайку, в которой состоят барские сынки, вооруженные бездельники, юнкера. Рабочие ненавидят эту организацию всеми фибрами своей души. Я спросил: — знаете-ли эту организацию? Знаем, — говорят. Мешает ли эта организация пролетарской революции? Мешает. Тогда я сказал: — а вы мешаете в сто раз больше, чем эта шайка. Вы в сто раз ненавистней рабочему классу, и вас больше презирают рабочие, чем эту белогвардейскую организацию. Этой порции было достаточно, и правые взвыли... (Аплодисменты). Все почтенные вожаки вскочили с мест и начали кричать, что они не позволят так безобразно оскорблять 28 миллионов рабочих, членов профсоюзов. Дитман кричал: — помилуйте, я 20 лет состою членом профсоюза, я привык уважать свой профессиональный союз, и вдруг к нам приезжают гости и позволяют себе наносить такие оскорбления.

Вой продолжался минуты три, никому не давали говорить. В это время ко мне подходит один правый, некто Т., и советует, чтобы я сказал, что мои слова были сказаны в об'ективном смысле, тогда, мол, наши замолчат. Я поблагодарил его за совет, но, конечно, об об'ективности не говорил, а продолжал заострять. Я заявил, что мои слова не являются преувеличением, что самый серьезный враг, единственно серьезный враг, единствен-

ное препятствие для революции не в солдатах, не в белогвардейских организациях, а в этих профессиональных чиновниках, вышедших из рабочей среды, впитавших в себя много хорошего из этой среды, но все отдавших буржуазии. Тов. Гофман, известный своим остроумием, подошел ко мне и сказал, что мы можем оставаться на трибуне гораздо более спокойным, чем они на местах.

Дисман, председатель союза металлистов, который до возвышения был левым, а потом, возвысившись, стал мечтать о министерском портфеле, организовал шайку и хотел сорвать выступление, заявив, что они не станут слушать. Но, однако, срыв ему не удался, и они продолжали сидеть с разинутыми ртами. Даже известный Ледебур, вроде нашего Мартова, специалист по вопросу о терроре, не умеющий в течение трех минут слушать своего противника без восклицания или возражения, даже он должен был выслушать вопрос о терроре совершенно спокойно.

Правые все время требовали, чтобы я говорил по вопросу о терроре. Они заявляли, что это наше слабое место, что мы не сможем повернуть его в нашу пользу. Они все время тянули нас за язык, что вот, мол, вы поговорите о терроре, тогда мы увидим... Я заявил, что в их дела мы вмешиваться не можем, но можем указать только на свой опыт. Тут Криспин вытащил наши старые

издания и по ним говорил, что мы когда то заявляли, что наша пролетарская революция ненавидит убийства, что она желает их избегнуть и т. д. — Вот как вы писали тогда, а чем теперь занимаетесь, — заявил он. Я ответил, — да, было время, когда и мы переживали полосу розовой мечтательности юности, когда мы думали, что перед народом, перед народом-победителем, преклонятся все. Но на деле вышло иначе. Я напомнил им об освобождении нами Краснова, об освобождении всех министров Керенского по просьбе Мартова. Я помню, как сейчас, одно из первых заседаний Совнаркома в Смольном, когда Мартов, стоя у дверей с папиросой в зубах, сказал: — отпустите их домой, они теперь безвредны. Победители должны быть великодушны. — И мы были не только великодушны, мы были настолько прекраснодушны, что отпустили на волю всех этих будущих организаторов восстаний. Я напомнил им о терроре в Финляндии, когда победители-рабочие освободили всех белогвардейцев, депутатов сейма, и как эти депутаты потом приехали, привезли с собой все, что было нужно, и перерезали 20 тысяч рабочих.

Во время моего рассказа самое интересное, товарищи, было то, что германские рабочие усиленно наматывали себе все на ус. На их лицах можно было читать: — да, мы постараемся ваших ошибок не повторить...

Гильфердинг, типичный книжный ученый, второе издание Каутского, типичный ренегат, который боевого участия в выступлениях рабочих безусловно принимать не будет, ответил: — да, действительно, это было неразумно. Если бы нам попался генерал Людендорф, мы так никогда не поступили бы. Я на это парировал, заявив, что почтенный Гильфердинг будет наверное расправляться гораздо более умело, чем у нас расправлялся и расправляется тов. Троцкий. (Смех).

Я сказал, — у вас Гильфердинг, у нас Троцкий. Это место речи наверное послужило одной из причин моей высылки.

Дальше интересна была часть моей речи по вопросу национальному. Мне не зачем сейчас излагать здесь перед вами позицию Коминтерна, позицию нашей партии, по этому вопросу. Наша общая линия по этому вопросу всем известна и понятна, особенно после с'езда народов Востока. Они же это считали одним из слабых наших мест.

Оппортунисты сочли, что это уязвимое место в нашей позиции. Началось бешеная кампания, вокруг фигуры Энвер-паши. Это бывший главнокомандующий турецкой армии, это человек, на совести которого масса преступлений в прошлом, но который сейчас начинает понимать, что угнетенные национальности не могут освободиться иначе, как при поддержке рабочего класса. Он

был в Баку, не будучи делегатом, но попросил слово. Мы ему слова не дали, тогда он попросил прочитать заявление, в котором он говорил, что Турция или, по крайней мере, часть ее теперь поняла, что нет спасения, кроме как при поддержке Советской власти, что он пытался притти к нам, когда Юденич стоял под Петроградом. После этого заявления мы ответили резолюцией, которую мы составили вместе с Бела-Куном и которая была принята. В этой резолюции мы говорили, что мы предостерегаем турецкий народ против нынешних вождей, которые стояли за империалистическую войну. Мы сказали, наоборот, что вождями могут быть только те, которые своей многолетней работой показали, что они на стороне народа. Одним словом, вынесли резолюцию против Энвер-паши. Что же из этого сделали за границей?

Вообще насчет лганья за границей творится нечто сверх-естественное. То единственное оружие, которое осталось в руках буржуазии, используют великолепнейшим манером сотни газет. И эти газеты ткут ложь так искусно, что начинаешь верить. Так всего несколько дней, как я оставил Россию, но уже начинал верить, например, истории с Буденным, — она обошла весь мир. Это было сделано очень тонко. Говорилось, что это передали по радио выдержку из передовой статьи „Правды“, при чем стиль был так выдержан, что

мы приписывали это Бухарину. Понятно. когда в таком виде преподносят, то начинаешь верить.

То же самое с Энвер-пашей. Его изобразили так, что он с нами гулял под ручку, что он — почетный член III Интернационала и т. д. Во-время выборов на с'езд в Галле во Франкфурте выпустили листовку, в которой говорилось, что вот, мол. кто является членом III Интернационала, — Энвер-паша. палач над армянами и т. п. Он может быть в III Интернационале, а Ледебур, поседевший под красным знаменем, не может быть. Я получал письма от друзей из Швейцарии, где меня спрашивали насчет Энвер-паши. желая узнать, где правда.

Гораздо интереснее были общие прения. Я говорил уже, что с'езду предшествовала партийная конференция. На этой конференции Гильфердинг бросил нам перчатку по национальному и колониальному вопросам. Он сказал на этом с'езде, я за это потом таскал его за волосы: — помилуйте, что они делают. Они собрали несколько мулл из Хивы и хотят нас уверить, что это — марксисты и сторонники коммунизма. Эти несчастные мещане-чиновники, которые мулл никогда не видели, думали, что это что-то необыкновенно опасное. Он же их этим кормил, и вся эта попытка играть на священной войне произошла из-за того, что я сказал в Баку, что нужно верить в священную войну. Но он не добавил трех

слов: — „об'явить священную войну капиталистам всего мира“. Что же тут религиозного? И вот немецких рабочих пытались уговорить, что наше национальное движение, — это ставка на религиозное настроение. Уважаемый вождь Криспин говорил, что если брать глубоко то, что происходит на Востоке, то это есть попытка молодых капиталистических народов освободиться из под влияния старых. Говорили, что Персия, Индия и т. д. — молодые капиталистические народы. Я пояснил им, что хотя мы все неграмотны, но всетаки позволим себе напомнить грамотным, что дело не в молодых капиталистических народах, которым эти страны не принадлежат. Тогда он сказал, что некоторые из них принадлежат.

Они органически не способны понять то, что мы делаем в национальном вопросе, потому что у них отсутствуют перспективы пролетарской революции, они о мировой революции не думают, они видят только нескольких мулл из Хивы. По этому поводу мы подробно об'яснились, и когда я нарисовал германским рабочим подлинную картину с'езда в Баку, когда рассказал, как две тысячи человек, одетых в различные одежды, пели Интернационал, описал начинающееся на Востоке движение и спросил: — плохо ли, что Коммунистический Интернационал начинает подымать Азию и все новые и новые пласты ее, что рабочий класс Европы и Америки, как старший брат.

подходит, чтобы помочь им подняться, что это еще не значит, что это движение коммунистическое и т. д., то Ледебур, в конце-концов, начал кричать, что в такой постановке они вопрос принимают.

Так стоял вопрос национальный, и правые независимцы в этом вопросе потерпели крушение.

Не менее интересные прения были по вопросу аграрному. В нашей резолюции сказано: „мы допускаем случаи, при которых рабочим нужно было некоторые крупные имения в той или другой стране разделить между крестьянами, чтобы добиться союза с ними". Они стали в позу непримиримых, как наши меньшевики в начале революции становились в позу чисто классовой партии, были против крестьян, а потом становились в другую позу и защищали крестьян. Немецкие меньшевики в данный момент стоят в этой позе и пытаются об'яснить, как это мы хотим такого союза. Ссылались на Серрати, но я им сказал: — две недели тому назад в Италии крестьяне начали захватывать землю, плохо это или хорошо? Конечно, признали, что хорошо. Я спросил правую часть, — вы не хотите союза с крестьянами, а крестьянские советы будете строить в Советской Германии или нет? Тут произошла полная неразбериха, часть говорила, что будут, другая — нет, пока, в конце-концов, Гильфердинг не проявил своей компетентности и не заявил, что не будут ни в коем случае.

Но как они могут лишить крестьянство в Германии избирательного права? Они могут загнать в угол богатых крестьян, но они не могут построить Советскую Германию и лишить избирательного права всех крестьян. У них получилась полнейшая неразбериха, когда часть говорила, что крестьянам нужно дать избирательное право, другая часть говорила, что крестьянам этого избирательного права не нужно. Затем со стороны правых независимых мне был предложен вопрос о роли Советов. Вопрос был следующий: нужно ли пускать в Советы отсталую часть рабочих и крестьян? Правые считают, что пускать их не нужно. Я ответил, что если под отсталыми понимают одну кучку вождей, то нужно этих вождей посадить в Ч. К. Смотря на правый сектор, я думал: какие великолепные клиенты для будущей германской Ч. К! Я им определенно заявил, что необходимо пускать в Советы всех рабочих и всех крестьян и сказал, что в наши Советы мы пускаем рабочих отсталых, рабочих, зараженных религиозными предразсудками, которые, однако, перевариваются в процессе социалистической работы.

Второй вопрос заключался в том, — должна ли партия руководить Советами. Этим вопросом и был закончен наш спор.

Мне пришлось говорить четыре с половиной часа. То была самая длинная речь в моей жизни, но к моему утешению, как говорят, не самая скверная.

Выступление Мартова.

Теперь я хочу остановиться на выступлении одного нашего русского — на выступлении Мартова. Он как привидение всплыл из царства мертвецов и появился на этом с'езде. За него, конечно, страшно ухватились правые, Мартов — русский, и это, конечно, представляло для них хорошую поддержку. Но Мартов плохо говорит по-немецки. Он сказал только две фразы, а затем его речь читал по-немецки некий Рубинштейн, которого немецкие рабочие терпеть не могут.

Эта речь Мартова представляет большой интерес. Конечно, мы не могли ожидать, что он начнет нас хвалить. Прежде всего он, конечно, очень подробно остановился на том, как мы угнетаем меньшевиков, а в частности, как мы угнетаем такую казанскую сироту, как Чернов, и даже указывал на то, что мы что-то сделали нехорошее с его партией. Потом он перешел к общей политике.

Я давно знаю Мартова, я много раз встречался с ним на с'ездах, но на этот раз он дошел до такой подлости, что трудно даже было верить. Когда мы слушали все, что он говорил, мы лишний раз убеждались в правильности нашего отношения к меньшевикам.

Он говорил, что в русско-польской войне виноваты не поляки, что в этом всецело виновата

Советская власть. Он говорил, что мир с Польшей есть не настоящий мир, что большевики только хотят оправиться, что они нарочно устраивают перемирие для того, чтобы нанести новый удар Польше. Он сделал в этом смысле хороший донос Мильерану. Мильеран получил грязный донос из очень компетентного источника, — от социалиста с седыми волосами.

Затем Мартов говорил о нашей дальневосточной политике, указывая на наши взаимоотношения с японцами и говоря, что на Дальнем Востоке у нас происходит игра, что мы там с кем-то идем на грязный компромисс. В таком духе он доносил всем империалистам. Конечно, вся буржуазная печать с удовольствием подхватывала заявления Мартова.

Я не буду останавливаться на той части речи Мартова, где он говорил, как мы его угнетали. Мартов защищал не только свои партийные интересы, он выступал как прямой вассал, как лакей Антанты. Более услужливого лакея, более верного слуги, империалисты вряд ли могли бы найти. Но я должен признать, что при этом выступлении, Мартов потерял добрую часть своих друзей, ибо он выступал с такими заявлениями, которые были слишком ясны каждому германскому рабочему.

Была еще теоретическая часть речи Мартова. Правые независимые об'явили на с'езде, что они

то-же за пролетарскую революцию. Мартов поставил вопрос иначе. Он сказал, что дело не в том, что они расходятся по вопросу о моменте, дело в том, что широкие народные массы не только в России, но и в Европе настолько невежественны, что они фантастически-наивно верят в то, что социализм уже наступил и что победа пролетариата близка. В глазах этих масс все это слагается в какую-то глупую религиозную веру. Мы ответили, что Мартов, указывая на фанатическую веру масс, не заметил, что эта вера является величайшим фактором пролетарской революции. Эта вера рабочего класса в то, что время пришло, что победа будет нашей, и составляет главную основу нашей пролетарской революции. А как же вы думаете произвести пролетарскую революцию? Путем голосования и резолюций в парламентах? Разве не верно, что переворот может совершиться только тогда, когда настроение рабочих масс будет фанатическим? Разве иначе мы перестанем быть рабами? Разве иначе рабочий класс может сделать то, что ему предначертано историей?

Весь нынешний научный, трудовой социализм заключается в том, что широкие массы заразились большевизмом. Правые независимцы хотели сделать из Мартова своего пророка. Спросим теперь немецких рабочих, за кого они стоят, за нас или за меньшевиков. Что такое меньшевизм?

Меньшевизм, — это Шейдеман, который хотел разрушить мировое рабочее движение. На с'езде это отрицали, говоря, что русский представитель все видит в русском свете...

Но статьи Мартова скоро исчезли со страниц „Фрейгейт“, потому что у Гильфердинга и у Мозеса все-таки нюх есть, и они совершенно ясно почувствовали, что если этот „талантливый“ писатель будет продолжать писать, то он их очень „талантливо“ втянет на дно и потопит. Нечего и говорить, что Мартов закончил плаксивым вызовом, что вот, мол, я с вами говорю, а за это в России не одного меньшевика поставят к стенке. Мы, конечно, за это никого к стенке ставить не должны, но пора добиться того, чтобы определилось отношение рабочих к этим фразам, чтобы рабочие, еще доверяющие меньшевикам, знали бы о подобном заявлении Мартова, знали бы, что Мартов говорил о том, что ответственность за войну с Польшей ложится на нас. Это лучше всего рисует Мартова и его партию, и если мы сумеем рассказать это массе, если мы сумеем заставить меньшевиков дать ответ на эти вопросы, то этого уже будет достаточно.

Это кульминационный пункт нашего с'езда. Газеты писали, что все уже окончено. После этого продолжался еще арьергардный бой, и затем происходило голосование. Мы собрали почти две трети голосов. При поименном голосова-

нии картина совершенно выяснилась. Когда происходила перекличка, то было видно, что за III Интернационал голосовали исключительно рабочие, когда же выступали правые, то мы видели перед собой тех же Чхеидзе, Церетелли и им подобных. Мы опять видели ту интеллигенцию, которая плохо понимала то, что происходит, уходит от рабочего класса, со скрытым сознанием, что рабочий класс еще придет к ней и поклонится. Но достаточно было только взглянуть на фигуру Мартова, которая напоминала те лубочные картинки, где на одной нарисован жупел в великолепном виде, а на другой уже в плачевном виде, и где написано, что это его будущее, — чтобы понять, что это — судьба многих вождей меньшевиков, в том числе и наших.

С'езд происходил в рабочем городе Галле. Все рабочие были за нас, и только один представитель рабочих голосовал против нас, и когда он произносил свое „нейн", рабочие кричали ему: — предатель, покажись только у нас на заводе! Мы тебе покажем. Этот делегат имел вид побитой собачки. Это мне напомнило то время, когда мы находились в борьбе с меньшевиками. Мартов тогда писал целые брошюры насчет того, что мы, большевики, — злодеи, — тогда еще не писалось, что мы расстреливаем, потому что тогда нас расстреливали, — что мы обижаем вдов и сирот, что мы грабим кассы, что мы — преступники, но.

в концe-концов, все-таки предлагал об'единиться с нами. Это был лейт-мотив меньшевиков.

То же самое происходит теперь и с правыми независимцами. Они тоже нас во всем обвиняют и вместе с тем предлагают об'единиться. Господин Криспин от части Центрального Комитета, от пяти или семи человек, заявил: — вы приняли решение, которое равносильно тому, что вы переходите в другую партию, поэтому вы поставили себя вне партии. Партия — это мы, государство — это я. Можно себе представить тот взрыв негодования, который произошел среди рабочих, когда они это услыхали. Выходит один человек и от имени пяти членов докладывает, что партия сама вышла из партии.

Затем выступал также не-безызвестный вам Грумбах, который во время войны занимался тем, что поставлял площадную шовинистическую литературу.

В конце голосования много было трагических эпизодов, атмосфера была напряженной. В газетах потом писали, что в этот трагический момент мы смеялись, и особенно много нападали на меня. На самом же деле я совсем не смеялся. Для нас было ясно, что громадная зала на две трети была наполнена нашими друзьями, а враги наши уходили с поднятой головой и с презрением смотря на рабочих за то, что рабочие одержимы верой в социализм, а вот они, слава богу, не верят

ни в Бога, ни в черта. Среди них была также часть колеблющихся рабочих, которые выходили из зала очень смущенные. Но наши друзья ликовали, когда они ушли, весь зал вздохнул свободно, воздух теперь очистился, мы остались одни в своей среде. Ликованию не было конца. Рабочие проделали теплую операцию, которую не так то было легко проделать, но которую необходимо было проделать над теми господами, которые до сих пор нападали на наших деятелей.

Получалась такая картина, как будто Мартова взяли под защиту все буржуазные партии. Я думаю, что мы протестовать не будем и вполне охотно оставим Мартова на какое угодно время под защитой германских помещиков. (Аплодисменты). Эти прения еще имели тот интерес, что шпаги скрестились вокруг террора, и правые независимые попытались поставить вопрос так, что левые, мол — террористы и большевики, а мы, дескать, — чистенькие.

Ледебур дошел до того, что бросил обвинение нам в том, что у нас происходит с'езд центрального комитета для организации убийств, т.-е. этим самым он подготовлял почву для палача Носке, чтобы он мог расстреливать коммунистов, ссылаясь на Ледебура. Дело дошло до бурной сцены, левые ораторы бросили им слова, указав, что их хриплый лай не может оскорбить нас. Они ушли,

образовали небольшую группу, мы продолжали заседать.

Криспин и Гильфердинг все время нападали на нас за то, что сочувствующие нам рабочие — скрытые коммунисты. Они говорили: — как же вы хотите принадлежать к независимой партии, когда вы — скрытые коммунисты. Они искали разных крамол и не находили. Тогда я в своей речи обратился к Криспину и сказал: — вы обвиняете, что собравшиеся здесь — скрытые коммунисты. Скажите, в самом деле, вы то кто? Если вы не коммунист, то чего же вам нужно в Коммунистическом Интернационале, зачем вы приезжали к нам, что у нас думали открыть. Если вы не коммунист, тогда вам не нужно и не интересно ни одно условие, а не то что двадцать одно. В ответ он заявил:—я тоже—коммунист, но я обвиняю их в том, что они — скрытые коммунисты. Я парировал: — значит вы — открытый коммунист. В таком случае так и запишем, что собравшиеся здесь 200 человек рабочих — скрытые коммунисты, а вы — открытый коммунист. Ему на это оставалось только ерзать на стуле.

Большую роль сыграл вопрос о профсоюзах. потому что в поисках опоры, правые только и находили эту опору в правых вожаках профсоюзов, которых они вынуждены были защищать потому, что партийная интеллигенция уже была

совершенно обессилена. Самое приятное, т.т., было то, что левые были сильны, тверды, как скала, беспощадны по отношению к старым вождям. Никто, конечно, не хотел их обижать или что либо с ними делать, но самое трудное для германских рабочих состояло в том, чтобы отделаться от этих икон, когда они мешают, а германской рабочей партии это было особенно трудно. Но мы уже видели, что они сильны, мы видели, как они встречали свои прежних вождей, напр., Луизу Циц, очень известную в женском рабочем движении, старого партийного работника. Эта самая Луиза Циц реагировала на происходящее таким образом. Она считала, что Ц. К. — ее личная собственность, что шумливые рабочие — какие-то „левые", которые хотят пересадить всех на разные места, что это было для нее личным оскорблением. Она Ц. К. считает так же своей собственностью, как, скажем, шляпу или другие, принадлежащие ей предметы. Какой-то шутник назвал ее „старой вороной".

Обострение дошло до того, что как только она открывала рот, несколько десятков рабочих начинало каркать. Это было довольно некрасиво по отношению к старой тетке, имеющей заслуги в виде нескольких десятков лет работы, но это было необходимо в тот момент, когда люди сбрасывали с себя балласт, когда этот балласт нужно было сбросить к черту, как можно скорее.

Окончание с'езда и высылка.

Таков был с'езд. Последствия его вам известны. На утро последовала наша, моя с Лозовским, высылка. В воскресенье утром, после с'езда, было назначено заседание в Берлине, в одном из самых больших зданий. В это время я уже настолько охрип, что абсолютно не мог выступать. Собрание состоялось, и товарищи приехали за мною, чтобы я хоть показался на этом собрании. Я был в очень неумной роли глухонемого оратора, но должен был показаться.

Товарищи! Я видел эту картину, мне передалось это электрически-напряженное настроение. Мы все видели во время нашей революции импозантные картины, но здесь было нечто грандиозное. Один из громаднейших зал в Берлине, вмещающий в четыре раза больше народа, чем этот, был битком набит человеческими телами, которые, буквально, не только сидели, но висели, при чем человеческая волна все прибывала и прибывала. Вокруг здания кипели страсти. Антибольшевитская шайка вывесила свой плакат над нашим, в котором призывала к убийству меня и других товарищей. Затем раздавались вот эти листовки, в которых говорится, что такого-то числа будет говорить Зиновьев — „палач и убийца меньшевиков". Дальше шло об'яснение, что меньшевики — это то же самое, что наши правые независимцы

в Германии... (Смех). Что касается последнего, то, конечно, мы против этого обсолютно не возражали. Они эту листовку раздавали, наши спартаковцы избивали раздающих, раздающие прятались за спины шпиков.

Я приехал на собрание, когда уже началось заседание, когда уже говорил другой товарищ, и я, как я уже сказал, бы поставлен в неумную роль изображать немого оратора.

О, товарищи! Это собрание с чисто пролетарским настроением было во много раз лучше, чем бывало у нас, по рассказам товарищей, накануне Октябрьской революции в Петрограде. Вся человеческая волна, переполнявшая зал, все ее сочувствие, были целиком и беззаветно на нашей стороне. Мне, к сожалению, пришлось только помахать шляпой и уехать.

Приехав домой, я застал у себя в виде гостей трех шпиков. Это были так называемые „политические полицейские", во главе которых был социал-демократ. Там все с.-д. (Смех). В начале мне было пред'явлено требование, чтобы я поехал в полицию. Товарищи меня не пустили. Тогда они привезли бумагу ко мне на квартиру. Эти самые с.-д. уголовной полиции держали себя как подобает, со всеми формальностями. Они запросили меня, когда я родился, грамотен ли и т. д. (Смех). Два раза мне прочитали, два раза переспросили, понял ли я. Я, конечно, понял. Текст

заключался в том что меня выставляют из Германии, как иностранца, который внезапно стал обременительным государству. (Смех). Были пред'явлены требования, что я не должен никуда выходить, не должен давать газетных интервью, (за исключением, конечно, того, что газеты напишут от себя), не должен пользоваться телефоном и т. д. Одно не было предусмотрено — вопрос об уборной. Выходить ли мне из комнаты. И вот здесь то стал роковой вопрос — как же быть. С.-д. поспешил дать об'яснение, что я могу каждый раз сообщать об этом по телефону чиновникам. Но наши товарищи поймали его на слове, заявив, что ведь телефоном тоже запрещено пользоваться, как же разговаривать с чиновником. Тогда этот полицейский с.-д. набрался необыкновенной храбрости и заявил, что он берет это на свою ответственность...

Встал вопрос, подчиниться ли этому или поставить себя под защиту рабочих. Они готовы были протестовать, но мы не хотели вызывать взрыва по такому частному поводу и в момент, когда нам нужно сорганизоваться и перестроить наши ряды.

И мы подписали условия, тем более, что они были не так уж невыгодны, потому что нам разрешали свидания, что было свято сдержано. Свидания допускались, и ко мне приезжали представители коммунистических партий разных

стран, и у нас состоялась 2-ая международная конференция. В конце-концов, мы ничего не имели против того, чтобы внизу в гостинице мерзло шесть шпиков из лагеря социал-демократии. Более мягко-сердечные из нас хотели кормить их на свой счет. Когда эти шпики замерзали, они начинали ругать свое начальство.

После этого началась бешеная травля в газетах. Это можно сравнить только с июльскими днями в Петрограде. Мы забыли ведь, что такое так называемая „свобода печати". Там мы вспомнили это. Это значит, что рабочий класс имеет только одну газету — „Роте Фане". — не имеет своей типографии, ни бумаги, ни денег. Все принадлежит буржуазии. Свобода заключается в том, что буржуазия издает много газет, и все эти газеты принялись нас бешено травить. Некоторые из них писали: — „Зиновьева посадили под охрану наших чиновников, но разве ему там место? Его настоящее жилище — на фонарном столбе". Прокурор написал две статьи, где говорил, что я нарушил закон в своей речи, что этого вполне достаточно, чтобы меня приговорили к смертной казни. Нам рассказывали, как два правительства — прусское и германское, — обсуждали вопрос о том, следует ли меня арестовать и предать суду. Они хотели это сделать, но министр иностранных дел сказал, что это опасно, что тогда не избежать публичности. Это мнение пере-

высило, и на нас стали смотреть просто как на чужестранцев, которые вдруг сделались „обременительными“. Последовал запрос в парламенте, правые начали выискивать юридические неправильности. Прения разыгрались в большом масштабе и прения эти были такого свойства, о которых должен знать каждый рабочий. От имени с.-д. выступил старый греховодник оппортунизма. Эдуард Давид. Он сказал: — мы все — демократы. Право убежища должно принадлежать демократам. Я стою за то, чтобы право убежища сохранилось в республике, но оно должно даваться не угнетателям, а угнетенным. Мы с Лозовским, значит, были в роли угнетателей. Другое дело Мартов: это человек слабый, они должны стоять за него горой, они устроили ему крупную овацию и говорили, что Мартов будет иметь защиту в Германской Республике, что дело идет только о высылке тех, которые являются угнетателями.

Что может быть яснее этого? Германская буржуазия — буржуазия не последнего сорта. Она умна, дальновидна, организована. Она видит, что Мартову нужно предоставить право убежища, что его нужно взять под свою защиту.

21-го октября, в 6 часов утра, меня расталкивает какой-то господин. Я смотрю на этого господина и сразу вижу, что это какой-нибудь представитель социал-демократической полиции, а он очень вежливо сообщает мне, что ему при-

казано посадить нас на пароход, который должен был отойти через два дня, и везти нас медленным ходом. Товарищи наши стали возражать, говоря, что они этого не допустят, так как вероятно на какой-нибудь из маленьких станций нам приготовлена ловушка, на что господин стал заверять, что он всецело гарантирует нашу жизнь. Тем не менее все товарищи сильно воспротивились и обратились к прусскому министру, который заявил, что это было сделано без его ведома. Когда мы вышли на улицу, то увидели, что спартаковцы организовали настоящую охрану. С одной стороны, была группа белогвардейцев и полиции, а с другой были организованные спартаковцы, все вооруженные. Мы задали себе вопрос, почему полиция смотрит на это сквозь пальцы. И поняли, что это происходит потому, что они побаиваются спартаковцев. Они понимают, что спартаковцы, быть может, в настоящий момент не победят, но они также хорошо знают, что это люди, которые умеют стрелять, что это люди, которые не остановятся ни перед чем, и было приятно видеть, как целая банда полиции с трепетом поглядывала на 2—3 спартаковцев. И действительно, те т.т. спартаковцы, которые нас окружали, были настоящие революционные пролетарии — железнодорожники, моряки, металлисты, — которые сумеют исправить некоторые наши ошибки.

Значение с'езда для будущего Германии.

В чем же действительный смысл событий, происходивших на с'езде в Галле? Это было больше, чем борьба фракций, это было расчищение пути для пролетарской революции. Самое ценное это то, что мы узнали, что борьба в Германии заключается не в том, что на пути пролетарской революции стоит буржуазия. Здесь мы увидели, что препятствия к социальной революции заключаются в нас самих, потому что буржуазия труслива, потому что она боится собственной тени, боится Антанты, которая над ней издевается. Любой офицер Антанты может притти к министру и потребовать немедленно очистить тот или иной дом. Буржуазия хромает на обе ноги. Она состоит из таких элементов, которые при первом ударе перейдут на нашу сторону.

Почему же в Германии до сих пор нет социальной революции?

Потому, что там во главе стоит сильная меньшевистская социал-демократия. В Штетине стоят во главе рабочие Шейдемана. В других местах во главе также стоят люди, вышедшие из рабочего класса, но давно оторвавшиеся от него. Таких „вождей“ много, их целая банда. То, чего не могут сделать белоручки и панычи, то легко могут делать эти рабочие, которые сами вышли

из рабочей среды и которые хорошо знакомы с рабочей психологией. Им легко пользоваться доверием рабочих, им не трудно обманывать их.

Кроме того, те сто тысяч чиновников, которые выросли на гнилой почве реформизма, составляют главный оплот буржуазии.

Несомненно, если буржуазия одержит верх, то она поставит у власти социал-демократов, правых независимых. Кандидаты уже готовы. Например, союз металлистов имел типографию в Галле. У них была машина, которая стоила миллион марок, и как только вожди союза металлистов увидели, что рабочие стоят за нас, Дисман написал бумажку и у рабочих машина была отнята.

Этот напыщеный машинист из рабочих, который поднялся теперь над рабочей средой, который сел на плечи рабочему классу, и есть теперь наш главный враг. У нас в России таких рабочих нет. У нас есть деревенский кулак. В Германии же есть целый слой настоящих рабочих-кулаков, целый слой чиновников, которые сидят верхом на своем же брате рабочем, потому что им перепадают кое-какие крохи со стола германской буржуазии.

Вот почему рабочий класс перестает верить в меньшевиков. Германские рабочие начинают

оправляться от своего кризиса. Повидимому, буржуазия также оценивает момент и не хочет больше играть в прятки. Мы скоро будем иметь в Германии громадную коммунистическую партию, под руководством Коммунистического Интернационала.

Германские рабочие первые очистили свою партию от внутреннего врага, первые выгнали меньшевиков из своих рядов, а мы счастливы тем, что проделали эту операцию несколько лет тому назад. Германский рабочий класс находится сейчас на пути, чтобы показать дорогу рабочим других стран.

Мы часто себе представляли борьбу за социализм, как бой рабочих с буржуазией на баррикадах. Но дело обстоит гораздо сложней. В передовых капиталистических странах серьезным врагом рабочего класса является рабочий-мещанин, рабочий-бюрократ, вождь коллективов, маленький и большой Носке, который стоит на пути рабочему классу. Вот откуда идет ненависть рабочих к этим вождям, вот откуда тот раскол, в котором мы не виноваты.

Все, что произошло в Германии, есть освобождение рабочего класса от буржуазии, есть сплочение его основных сил для того, чтобы итти на приступ капитализма. Это будет иметь гигантское значение для революции и для Коммунисти-

ческого Интернационала. Коммунистический Интернационал становится мощной организацией, помогающей рабочим построить свои ряды и свои организации, и я уверен, что после германского опыта, Коммунистический Интернационал об'единит вокруг себя движение рабочего класса во всем мире и в недалеком будущем добьется крупнейших побед. (Аплодисменты).

1 р. 50 к.

Типография «III Интернационал»

